

Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. — М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы. 2004. — 416 с.

Выход книги В.В. Бибихина в издательстве Института философии, теологии и истории св. Фомы, в котором Владимир Вениаминович активно преподавал в последние годы своей жизни, в рамках серии «*Bibliotheca Ignatiana: Богословие. Духовность. Наука*»¹ практически совпал со смертью автора (†12 декабря 2004 года). Владимир Вениаминович был в течение продолжительного времени болен раком, и именно в этот последний период своей жизни готовил книгу к публикации². В сущности это — память, оставленная одним русским мыслителем XX в. о двух других. Определить их круг занятий точнее довольно трудно: философия, филология, эстетика, богословие, история культуры переплелись здесь таким сложным узлом, что развязать его, расплести на отдельные нити — дело сложное и вряд ли благодарное. Слово «мыслитель» схватывает главное — творческую интеллектуальную активность очень высокого уровня. Книга делится на две неравные части: большая — о Лосеве, меньшая — об Аверинцеве.

Часть рассказов о Лосеве уже публиковалась Бибихиным в разное время³. Впервые небольшая часть записей была опубликована в журнале «Вопросы философии» в 1992 г.⁴, что стало самым настоящим откровением, поскольку по ним, наконец, можно было узнать о том «настоящем» Лосеве, который после освобождения из лагеря скрывался под «личиною» Лосева-марксиста. Затем последовали публикации в журнале «Начала»⁵, достаточно объемный кусок был напечатан в сборнике работ Алексея Федоровича «Имя»⁶.

¹ В 2005 г. в рамках этой же серии была опубликована еще одна работа В.В. Бибихина «Витгенштейн: смена аспекта», в основе которой лежит курс, дважды читавшийся автором на философском факультете МГУ. Кроме того, памяти Бибихина посвящен выпуск журнала Института св. Фомы «Точки» №1–2/5/ 2005, представляющий собой сборник статей Владимира Вениаминовича.

² Без сомнения, факт смерти автора оградил его от возможных впоследствии обвинений в публикации среди прочего некоторых записей, касающихся слишком личных и интимных моментов жизни двух мыслителей, стоящих в заглавии этой книги (это особенно справедливо в отношении зафиксированных Бибихиным высказываний Лосева о своих современниках, многие из которых еще живы), ибо «*de mortuis aut bene aut nihil*».

³ К сожалению, об этом в книге не упоминается.

⁴ *Бибихин В.В.* Из рассказов А.Ф. Лосева // Вопросы философии. М., 1992. № 10. С. 139–146.

⁵ *Бибихин В.В.* Из рассказов А.Ф. Лосева // Начала. М., 1993. № 2. С. 141.

⁶ *Лосев А.Ф.* Имя: избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб., 1997. С. 489–526. В этом издании некоторые примечания

Записи разговоров Лосева обрамлены авторским комментарием и снабжены примечаниями. Оправдана также постоянная отсылка к единственному на сей день биографии А.Ф. Лосева, написанной А.А. Тахо-Годи⁷, если тот или иной эпизод имеет там свою параллель⁸.

В то же время в самом тексте полностью отсутствует авторская правка, порой даже минимальная, на уровне знаков препинания. Текст переносился из записной книжки в книгу таким, каким он был в момент его возникновения: «...чувствуя несправедливость растраты такого богатства на одного меня, я брал один за другим листки из щедрой стопки „оборотиков“ — для экономии на черновики шла использованная с одной стороны бумага — и записывал его [А.Ф. Лосева — *Прим. ред.*] слова, какие успевал, не вводя никогда свои» (с. 12). Но в результате возникает удивительное впечатление цельности образа: и автора, и его героев, и жизни русских мыслителей определенной эпохи. Это впечатление должно быть особенно сильно у тех, кому довелось присутствовать на лекциях и семинарах самого Бибихина, лекциях Аверинцева, кому (их тоже еще не так уж мало) довелось слышать Лосева. Эта память о живом голосе и неповторимой интонации драгоценна, но образ возникает и существует и помимо нее.

Первые «лосевские» заметки относятся к 1964 г., когда В.В. Бибихин, будучи аспирантом, участвовал в семинарах Лосева по греческому языку. Как явствует из книги, примерно с 1970 г. он становится одним из секретарей-референтов философа. Впечатление от этой встречи передается много говорящей фразой: «Уходя после первого занятия с А.Ф. по Арбату к центру, я был другим» (с. 11). Мелкие житейские подробности, сплетни научной среды, разговоры о политике, филологии, философии, религии, современниках и предшественниках, выдающихся и не очень, описания ученых собраний и заседаний, записи лекций, намеки на внутрисемейные лады и разлады — вся эта мозаика организована так, что создает ощущение живой мысли огромного масштаба: «У Лосева размах Кассирера, Гадамера» (с. 301) — фраза оставалась бы пустым словом, если бы не подкреплялась всем материалом книги. Мысль эта пребывает в состоянии постоянной борьбы. Отношения Лосева с властью напоминают сложную стратегическую игру: нужно точно рассчитать соотношение выигрыша и

ния к записям составлены А.А. Тахо-Годи, в рецензируемом нами издании они отсутствуют.

⁷ *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М., 1997.

⁸ Следует заметить также, что в «Вопросах литературы», № 6 за 2004 г., опубликовались «Записи о встречах [с Аверинцевым]» в разделе «Филология в лицах», посвященном С.С. Аверинцеву.

проигрыша на каждом шаге, чем можно пожертвовать, сколько пустых слов сказать для прикрытия («заправить» — с. 30), что, когда и в каком порядке опубликовать, как использовать власть в борьбе с оппонентами и как не дать ей (власти) использовать себя. Все это порой выглядит (и выглядело в глазах Бибихина уже тогда) несколько комично: чрезмерная тонкость оборачивается явной грубостью, опасность слишком явно преувеличена: «Это же целый подвиг был, выступать в Институте философии, в этой среде, в пасти зверя, среди шпиков, впервые» (с. 238). Но жизненность и выстраданность этой мысли дают ей право на жертвы: «Сколько лет ты имеешь дело с советскими издательствами? — Ну, лет шесть-семь. — А я шестьдесят семь, так что сиди» (с. 293).

Эта игра философа (и шире — мыслящего и творческого человека вообще) с властью — не только одно из самых захватывающих зрелищ истории, но и основное, пожалуй, содержание духовной жизни всей советской эпохи. Содержание, значение которого все еще ждет по-настоящему глубокого христианского осмысления.

Записки о Лосеве, начинаясь в 60-е годы, главным образом приходятся на 70-е, в 80-е становятся все отрывочнее, иссякают. Основная часть записей об Аверинцеве приходится как раз на это время: 80-е — начало 90-х. Перед нами, в сущности, следующий этап жизни того же поколения⁹. По-новому выстраиваются отношения с властью: на смену скованной страхом тяжеловесной серьезности Лосева приходит веселая легкость (по глубине, может быть, не уступающая) Аверинцева: «Известный антирелигиозник Кривелев стал отчитывать его за статью „Христианство“ в „Философской энциклопедии“. Сергей Сергеевич в странном состоянии после ночи бессонной работы, неожиданно для самого себя засмеялся тому в лицо. Кривелев как-то сразу убежал» (с. 315).

Это различие подчеркивается зафиксированной автором эмоциональной оценкой деятельности Аверинцева самим Лосевым¹⁰: «На одни конференции зовут, а на другие не зовут! Но Аверинцева зовут! Там либо пробивной неимоверный характер, либо чудо. А у меня не

⁹ Ясно, разумеется, что А.Ф. Лосев (1893–1988) принадлежал к другому поколению, чем С.С. Аверинцев (1937–2004) и В.В. Бибихин (1938–2004). Однако в книге мы видим, собственно, не только (и не столько) самого Лосева, сколько Лосева, увиденного глазами автора, т.е. глазами человека его поколения (видим мы и само это поколение, увиденное глазами не только автора, но и Лосева). Тем самым, независимо от того, насколько это входило в замысел автора, в центре внимания читателя оказывается судьба именно этого поколения.

¹⁰ До выхода книги о мнении Лосева об Аверинцеве можно было судить лишь по растиражированной и многожды цитированной статье Алексея Федоровича «Аверинцев С.С.» в 9-м томе «Краткой литературной энциклопедии».

пробивной; и не чудо, потому что у меня продажа разных мук. А там продажа разных наслаждений и удовольствий. Может быть, удачник. Небывалая удача, чудо, может быть, но мало верится... У меня еще недовольство от того, что Аверинцев беззаботно берет у меня и не ссылается. Воровство»¹¹. Здесь не просто зависть учителя к преуспевающему ученику, не просто различие поколений, но и доходящая до полного взаимонепонимания противоположность двух духовных типов.

Аверинцев — ученый, депутат, публицист, эмигрант, Аверинцев в храме, в семье, в академической среде, читающий лекции, выступающий — все эти подробности призваны высветить основополагающий опыт общения, более чем просто интеллектуального. Встреча Бибихина с Аверинцевым по эффекту напоминает встречу с Лосевым: «...первой же услышанной лекции Аверинцева было достаточно, чтобы переменить мой ум» (с. 408). Тема отношений мыслителя и власти здесь дополняется темой власти мыслителя над теми, к кому обращена его речь, его права на эту речь, его ответственности перед теми, кого эта речь меняет, и его свободы даже от этой ответственности, если она необходима для реализации его внутренней задачи, его ответственности перед Богом.

Чем важна эта книга? Перед читателем проходит большой (около 40 лет) отрезок жизни целого поколения и окружающей его культурной среды. Он начинается с обращенной к Лосеву ликующей «хорошей новости» 1971 г.: «В Москве появилось много талантливых молодых людей» (с. 35) и кончается грустными словами 2004 о мертвом Аверинцеве: «Я не знаю, как мы устроимся теперь в холодеющем мире» (с. 409). Осмысление их опыта — дело необходимое для богословов, философов, историков культуры, религии, Церкви нашего времени.

К недостаткам издания следует отнести отсутствие именного указателя, столь необходимого для подобных изданий, и кратких сведений об упоминаемых в записях персоналиях, хотя последнее отчасти восполняется уже отмеченными нами выше примечаниями автора.

К.М. Антонов, М.М. Бернацкий.

¹¹ Первоначально включение записей об Аверинцеве автором не планировалось: решение было принято, когда пришло известие о кончине Сергея Сергеевича (с. 305). Может, в тот момент следовало исключить этот эпизод?.. Неоднозначно можно понять и примечание Бибихина к этому диалогу (с. 240).